

291

598764

TEATP

№ 7

1954

Л. ЛУНЕВА — МАША

В сад, где уже приготовлена наскоро сколоченная сцена для представления треплевской пьесы, входят Маша и Медведенко. По чеховской ремарке они «идут... возвращаясь с прогулки...»

Но в спектакле Новосибирского театра «Красный факел» Маша Луневой появилась в этом уголке сада не случайно. Вы чувствуете, что она вся полна ожиданием, предвкушением чего-то необычайного. Это сказывается в том, как нервно и жадно оглядывается она сад, приготовленную сцену, в том, как взволнованно и даже чуть торжественно говорит: «Скоро начнется спектакль».

...Возмущенный и обиженный ироническими замечаниями Аркадиной по поводу его пьесы, Треплев резко обрывает представление. Повинуясь невольному порыву, Маша — Лунева поднимается со своего места, умоляюще протягивает руку, словно хочет успокоить его, утихомирить, прервать эту тяжелую сцену... Но никто, и прежде всего сам Треплев, не замечает этого движения, этого порыва Маши, и она опускается на скамейку, подавленная, словно сломленная печалью.

Она сидит неподвижно, пока обеспокоенная Аркадина не начинает звать сына. Маша встрепенулась. «Я пойду поищу его», — робко предлагает она Аркадиной. И видишь, что ей хочется не просто найти и привести Треплева, а ободрить, утешить, хоть чем-нибудь помочь ему.

Второй акт. Маша — Лунева сидит на фоне белой колонны в своем черном платье, в какой-то неловкой позе, словно больная, нахохлившаяся птица. Сидит, смотрит в одну точку, думает. И вы понимаете — все ее мысли о Треплеве, каждая секунда ее жизни, каждое дыхание полны этой любовью, мукой, мечтой, тоской о счастье.

Можно упрекнуть Луневу в том, что она поэтизирует свою Машу, но молодая актриса так искренно, с таким чистым лиризмом передает чувства своей несчастной героини, что постепенно убеждает в возможности и такой своеобразной трактовки.

Ее Маша необычна и по внешнему облику — тоненькая, хрупкая, совсем молодая девушка с порывистыми движениями, легкой походкой. Тригорин записывает в свою записную книжку о Маше: «...нюхает табак и пьет водку... всегда в черном. Ее любит учитель...» Все это лишь внешние признаки, наносные, случайные черты — и вечная табакерка в руках, и водка, и резкость тона. Молодая актриса словно пошла не от этой характеристики, а от той, что осталась в записной книжке Чехова: «...нюхает табак... несчастна, неудовлетворена и потому разыгрывает из себя шутовку...»

Прошло два года, Маша вышла замуж за Медведенко. У нее ребенок. Четвертое действие пьесы начинается с того, что входит Маша и окликает Треплева: «Константин Гаврилович! Константин Гаврилович!» Голос Луневой звучит так же звонко, взволнованно и тоскующе, как тогда, в первом акте, когда она искала Треплева в саду. И вы понимаете — ничего не изменилось, она любит его попрежнему. Пожалуй, даже еще сильнее слышится в этом зове мольба, тоска и нежность. Она сидит за столом, вынимает фишки лото и называет номера. Но Маша Луневой очень мало занята игрой — разговор идет о Треплеве и она вся поглощена им. «Костя играет. Тоскует, бедный», — говорит Полина Андреевна. «В газетах брагния его очень», — добавляет Шамраев. Маша — Лунева застывает, прислушивается и ее «семьдесят семь!» звучит печально и настороженно. «Ему не везет. Все никак не может попасть в свой настоящий тон... — рассуждает Тригорин. «Одиннадцать!» — упавшим, глухим голосом произносит Маша — Лунева. «А я верю в Константина Гаврилыча. Что-то есть!...» возражает Дорн. И свое очередное «двадцать шесть» Лунева говорит, радостно, благодарно взглядывая на Дорна.

Лунева сыграла роль Маши несколько необычно и, быть может, даже спорно, но, без сомнения, интересно и искренно.

Б. Львов-Анохин.

